



Елена
Андрейчикова

Женщин
как
женщин
Ы

Елена Андрейчикова

Женщины как женщины

«Издательские решения»

Андрейчикова Е. А.

Женщины как женщины / Е. А. Андрейчикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834632-3

Ироничная, мечтательная и очень наблюдательная одесская писательница представляет свой сборник рассказов. Кратко и легко эти забавные и неожиданные истории повествуют о подругах, любовницах, женах, коллегах, о тех, кто за сотни километров, и тех, кто в соседней комнате... Ее рассказы вызывают улыбку и симпатию к героям, их населяющим; дают возможность поиронизировать над обыденными, часто вымышленными, проблемами; задуматься о душевной гармонии и о том, что действительно важно и ценно.

ISBN 978-5-44-834632-3

© Андрейчикова Е. А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Остаться дома в понедельник	7
Время танцевать	9
Детка плачет. Детке больно	12
Чужая	15
Секс и зеленый чай	17
Кенийская принцесса	20
Письмо жене от любовницы	23
Крылья	25
Дорогая	26
Стать как она	29
Двое в комнате	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Женщины как женщины

Елена Анатольевна Андрейчикова

© Елена Анатольевна Андрейчикова, 2016

© Инна Белова, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-4632-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

«Женщина, руководящаяся рассудком, а не сердцем, настоящая общественная зараза: она имеет недостатки страстной и любящей женщины, но ни одного из ее достоинств; она без жалости, без любви, без добродетели, без пола».

Оноре де Бальзак

В наш век высоких скоростей и грандиозных планов как важно нам, женщинам, все-таки не забывать о том, что мы – женщины. Помнить о легкости, а иногда и легкомыслии. О полезной самоиронии и правильной наивности. Серьезными быть мы всегда успеем.

В своих рассказах я постаралась подчеркнуть наши сильные стороны и восхититься ими. Немножко посмеяться над слабостями. Все герои и героини этих историй вымышлены. Никакой связи с реальностью. Любое совпадение считайте досадной оплошностью. Да-да, я все выдумала. Иногда мне кажется, что и себя я выдумываю. Женщина как женщина. Другое дело – черты характера. Тут все правда. Они обязательно кому-то принадлежат. И мне немножко.

Очень хочу сказать огромное спасибо всем – и мужчинам, и женщинам, которые вдохновили меня и продолжают вдохновлять. Благодаря которым на свет появилась эта книга. Полночи расставляла их список по значимости, по родству, по работе, по дружбе; в алфавитном порядке – по именам, а затем по фамилиям. Это оказалось сложнее, чем написать все эти рассказы. И вообще – не люблю я благодарности по списку. Кстати, групповые рассылки тоже ненавижу. Поэтому каждому из вас, лично, персонально, с глазу на глаз поспешу сказать мое искреннее, нежное, трепетное «благодарю».

Желание помечтать, пофантазировать, отвлечься от дел, почувствовать нежность, светлую грусть, смущение, вдохновение – надеюсь, такое послевкусие оставят у вас мои рассказы. И самое главное – я верю, что они заставят вас улыбнуться. Милые женщины, улыбайтесь почаще! Ведь женский смех притягивает счастье.

Искренне ваша Елена Андрейчикова

Остаться дома в понедельник

Мне очень повезло в жизни.

Мамуля и бабуля вложили в меня все, что могли: гены, время, деньги и образование.

Обе, потеряв мужей – одна на войне, другая в постели соседки, – самостоятельно преуспели в жизни и меня растили очень идейно: учеба, упорный труд, светлое будущее, независимость.

Вечная отличница, умница, красавица – лучшие их мечты осуществились.

Они так боялись за меня в детстве! Папы нет, дедушки нет. Поэтому были строги и за того, и за этого. Еще все время плакали, тревожась о моем полусиротском будущем.

О налаживании своей личной жизни им думать было некогда – работа, работа, работа и я. Бабуля – глава ОблОНО, мамуля – главбух в экспедиторской компании. Одни командирши вокруг, некого было посл... попросить не вмешиваться в воспитание.

Переживали, что не хватит накопленных денег, связей и фантазии дочурку приличной женщиной вырастить. Беспреданно пеклись о моем обделенном детстве (так переживали, что позднее мне пришлось лечиться от начинающегося ожирения).

Отсутствие, пардон, секса сублимировали в слезы. Потоки слез, реки полноводные.

– Скушай, детка, котлетку! Вырастешь большой и красивой!

Не съем – слезы.

– Хочешь играть на скрипке? Отведу тебя в музыкальную школу. В память о дедушке, он так душевно играл!

Не хочу – слезы.

– Надень белые бантики, солнышко, они так тебе идут! Линейка же в школе последняя!

Сняла тайком. На фотографии увидели безбантичную. Слезы.

Беспроигрышная дрессировка.

Теперь мне стыдно, когда они плачут. Стыдно, когда я плачу. Бывает, конечно... но стыжусь сама себя. Призраки детства напоминают о манипуляциях с неокрепшим сознанием.

Но в целом мне очень повезло. Я всегда получала, что хотела. Лучшие игрушки, нарядные платья, средиземноморские круизы, машина на восемнадцатилетие – мамуля и бабуля старались изо всех сил. Немного их слез на день рождения и Новый год – всего лишь оплата счетов. Это же не портило праздник.

Девочка выросла. Выучила все уроки и стала самостоятельной. Живу отдельно, работаю. Делаю, что хочу. Счастлива. Хожу к мамуле с бабулей в гости – потоки слез теперь можно обрывать, яростно хлопнув дверью.

Сплю с хорошим мужчиной. Для родственников это называется «встречаюсь». Я уверена, они догадываются о наших регулярных обменах не только мнениями об экранизации «Великого Гэтсби», но и флорами. «Какая гадость!» – воскликнула бы бабуля, услышав это от меня без обиняков. «Негигиенично!» – маменька.

Почему «гадость»? В какой части «негигиенично»? Мне это кажется очень приятным. И нужным. И важным. Хоть я и надеваю стыдливо халат сразу после. Каждую пятницу и субботу. В другие дни он не может – живет с мамой, она будет часто звонить после десяти, переживать. Ему вставать на работу рано.

Вот замуж за него я никогда не выйду. А то попыталась как-то намекнуть о своих матримониальных планах прародительницам. Слезы и сопли заставили меня пообещать, что я дождусь более подходящей для умницы партии. Менеджер по продажам в небольшой компании. Полное фиаско!

А где мне взять директора? Наш женат. Подождать, когда уволят и заменят на неженатого? А может, этот разведется? Нет, так тоже не подойдет. Разведенный – некачественный жених, а я должна взять от жизни лучшее.

Когда я позволяю себе помечтать, то представляюсь его женой. Да-да, женой моего простого менеджера. Мы могли бы жить («о ужас, бесквартирный!» – это отчаянный крик бабули) у меня. Я научилась бы печь пироги, как его мама. И ему не надо было бы спешить домой с воскресенья по четверг.

Однажды я осталась бы дома в понедельник, нарисовала черные стрелки в десять утра, надела прозрачный шелковый халат, откупила бутылочку первоклассного шампанского и занялась любовью с моим интеллигентным менеджером среднего звена. Что ему стоит взять больничный раз в три года?

Не может. У него тоже передовые мама и бабушка. Единственный мужчина в семье, надежда и опора. С детства взваленная ответственность за весь генофонд. Они и сами прекрасно добывали хлеб насущный. Но так хотелось вырастить живую мечту о прекрасном принце, который в молодости им не достался. И не мог достаться в стране господствующего пролетариата.

Как он может трахать жену в понедельник утром? Мама узнает, не одобрит. Для этого нужно быть слишком свободным. Не по-советски свободным. Не по-родительски...

А что бы мои мамуля с бабулей сказали? Проститутка, алкоголичка и что самое оскорбительное... О ужас! Туняядка!!!

Вырастили попрыгунью-стрекозу без чувства долга и стыда.

Да, я бы нагло отдавалась ему полпонедельника. Потом кормила пирогами прямо во влажной от бесстыдных трудов постели. Крошки бы сыпались, как тысячи уборов, прямо на кровать. Мой нежный муж, выросший в республике запретов, немного нервничал бы, имея меня в четвертый раз. Ему тоже не разрешали в детстве кушать в спальне.

А затем можно и Цветаеву процитировать. Не зря меня бабуля заставляла её учить наизусть и рассказывать позже раскрасневшимся от коньяка подругам.

И покурить.

И еще бокальчик.

Тогда бы я знала, для чего столько учиться, читать, зубрить. Чтобы потом позволить себе «Вдову», например, пироги с белужьей визигой и еще один оргазм в понедельник после строчки «Страсть, и юность, и гордыня – все сдалось без мятежа...».

Время танцевать

Вкус текилы приятно обжигает горло. Постепенно окутывают почти забытое расслабление и какая-то бесшабашность, оставшаяся в далекой юности.

Три, а может четыре подхода к барной стойке (к черту подсчеты, я должна забыться!) делают свое дело. Я готова танцевать.

Мои подруги танцевать не хотят. Ну и дуры – зачем тащиться в такую даль, чтобы вести себя как дома? Медленно напиваться у бара, обсуждая последние сплетни. Стоят старые калоши, когда все вокруг танцуют сальсу – такие молодые, счастливые, сексуальные (не мое словечко, но сегодня можно). Ну и что с того, что все они лет на двадцать моложе нас?

Мне наплевать. А еще меня абсолютно не трогает тот факт, что танцевать сальсу я не умею. Прикрываю глаза, поднимаю руки над головой и медленно виляю бедрами из стороны в сторону. Надеюсь, хоть в такт музыке.

Будучи от природы стеснительной, с закрытыми глазами я чувствую себя свободней. Уверена, что мои подруги сейчас смотрят на меня осуждающе. И подростки, окружающие нас, возможно, посмеиваются над взрослой дамой, решившейся выйти на танцпол. Меня это не беспокоит. Прикрытые веки отделяют мою скромную персону стальным занавесом от реальности.

Жаркий морской бриз делает движения плавными и ленивыми. Я хочу, чтобы музыка длилась вечно и мне не нужно было бы возвращаться к подругам, а потом в одинокий номер гостиницы, а затем, после отпуска, домой.

Хочется ли мне домой? Нет-нет, я не совсем одинока. У меня есть муж и собака. У мужа – любовница и язва. Тощая, как болотная цапля. Не язва, женщина. Язва обширная. Цапля и ее больной муadak.

У меня еще есть страх. Все изменить. И надежда. Что все само изменится. Я его уже давно ни в чем не виню. Сама виновата, что с этим живу. Только я. Каждый день, как страус, прячу голову в песок, едва услышав, как он тише обычного говорит с кем-то по телефону или поспешно проверяет почту на компьютере. Я знаю, что он с ней спит много лет. И ничего не могу с этим поделать. Скандала не устраивала: духу не хватало. Сама ему никогда не изменяла, «назло» – не мое наречие. И всегда боялась уйти. Боялась одиночества, старости, осуждения близких. Я почти смирилась с ролью обманутой жены. Иногда это даже удобно. Я знаю, что он знает, что я знаю. И пользуюсь этим в мелких алчных целях, наполняя свою жизнь материальными суррогатами счастья.

А неделю назад я узнала, что у него есть еще одна.

Я открываю глаза, вспомнив об этом. На миг застываю на месте, обрывая свой приятный танец вслепую.

Две текилы подряд чуть умеряют пульс. Подругам бросаю странное «Чего носы повесили, девчонки!» и возвращаюсь на свое место. Мои не очень вписывающиеся в знойную картинку танцы меня успокаивают. Я опять закрываю глаза и продолжаю одиночную сальсу.

Еще одна любовница. Я смирилась с ролью идиотки, но сейчас нужно признать, что я – идиотка вдвойне. Он изменяет мне с той, которой тоже изменяет. Измена в квадрате. Как вам такое? Ушла бы я раньше – не оказалась бы сейчас в этом дурацком положении. Самое обидное, что о моей трусости знают все друзья. Не хочу открывать глаза, уверена, что мои дорогие подруги сейчас шушукаются обо мне. Жалеют. А может, и нет.

Сколько раз я пыталась произнести «Я. Требую. Развод». Для меня просто невозможно сложить эти три слова в одно предложение. Перед зеркалом наедине еще получалось. Тихо так, робко, но получалось. А его увижу – не могу. Молчу. Много-много лет.

Так страшно остаться одной. Кому я еще буду нужна в свои сорок три? Да, выгляжу сносно, можно даже сказать, временами и некоторыми местами хорошо. Но скажу честно – не верю, что у меня еще может что-то в жизни быть.

Подруги советовали найти любовника. А зачем? Я же не умею врать. Ну и священные узы опять же (хе-хе, о чем это я?). Скажу честно, я тайком мечтала, что когда-нибудь уйду от мужа, начну новую жизнь, встречу настоящую любовь.

«Я уйду от тебя»

или

«Мы разводимся»

или

«Я знаю, что ты мне изменяешь».

Как начать этот разговор?

Я вытерла рукой влажные глаза. Еще одна текила не помешает. Слизнула с кисти соль и слезы, запила Саузой, вернулась танцевать.

А не такая уж я и старая. И мужчины все еще обращают на меня внимание. Вот, к примеру, этот. Лет на десять меня моложе, а взгляда не отводит от моей (давайте начистоту) все еще роскошной груди. Я открыла глаза или все еще нет? Может, этот пронзительный взгляд мне снится?

Кажется, нет.

Улыбается.

Мне не до улыбок, я замужем, милый.

(Могу ли я считать, что я все еще замужем, когда другие две стоят в очереди за мужем?)

Да-да, меня дома ждут муж, собака и еще две суки.

Какие жадные глаза. Может, он смотрит на кого-то за моей спиной?

Поворачиваюсь. Нет, никого нет.

Продолжаю танцевать. Глаз не сводит с меня. Скользит от груди к бедрам и обратно. Я не помню, когда последний раз меня кто-то так тискал взглядом. Мальчик, я замужняя дама, но мне все равно приятно.

Еще одна текила. Подружки мои тоже танцуют. Накачались. Так-то лучше, не будет осуждающих взглядов. Хотя ничего плохого я не делаю. Каким бы ни был мой брак, он все-таки пока еще брак... Брак с браком.

Я просто танцую. Даже не позволю себе ответить улыбкой на его призывные жесты потанцевать вместе. Нет, милый, я не могу.

Как хорошо он чувствует музыку. Как двигается. Интересно, он во всем такой плавный? Чтобы не отставать, я виляю бедрами все интенсивнее, но подойти ближе не позволяю. Можно и без рук, ведь мы уже так крепко держим друг друга взглядами.

Забывать бы обо всем на свете – о доме, о подругах, о принципах, гори они огнем. Он такой соблазнительный. Или соблазняющий? Или это все текила. А может?..

Нет. Я так не могу.

Какая у него улыбка. И эти искорки в глазах. И вообще, его внимание так льстит, ведь вокруг десятки юных длинноногих цветков.

Интересно, как он целуется?

Последний раз такая мысль приходила мне в голову на школьном выпускном. О ком я тогда? Ах, ну да, о моем благоверном.

Вот я действительно была ему верна. Никогда. Ни с кем. Даже в мыслях.

Как от него приятно пахнет. Пахнет? Он уже рядом.

Как рядом??? Не надо, я не могу. Что-что? Как меня зовут? Какой приятный голос! Каждое его слово заставляет тело вздрагивать. Что это со мной? А ну-ка, подожди, дорогой. Так не пойдет, я порядочная женщина.

Подхожу к барной стойке, на которой оставила свою сумочку. Достая мобильный и набираю первый номер в Избранном.

– Я подаю на развод! Спишь? Да-да, у меня все в порядке. Ты слышишь? Я подаю на развод!

Вмиг трезвею. Пытаюсь собрать все силы, чтобы сказать громче. Голос не слышится.

– Я подаю на развод. Связь плохая. Я напишу тебе СМС. Нет, лучше сказать сейчас же. Я подаю на развод! Все еще не слышишь?

Бросить трубку? Сделать вид, что просто напилась? Что я натворила. Он подумает, что я сошла с ума. А разве я не сошла? Каждую субботу с поцелуем отпускала его на «покер с друзьями». А он, небось, смотрел на нее так, как сейчас на меня этот парень. И не только смотрел. А теперь еще несколько раз в месяц с миной любящей жены собирать его теннисную сумку к той второй (подложить бы ему туда мину, гаду).

Вдруг начинаю орать. Откуда столько сил? Искорки в глазах наблюдающего за мной добавляют огня.

– Ты, ублюдок, мать твою, теперь слушай меня внимательно! Вали к своим шлюхам, я подаю на развод! Слышал, да? Прекрасно.

Выдыхаю. Возвращаюсь. Танцую.

Детка плачет. Детке больно

Девочка маленькая такая была. Малюсенькая. Именно малюююсенькая. Нет, росточком вышла. Глазища большие, ноги длинные и попа ничего. И еще взгляд – взрослый, пронзительный, понимающий.

– Хорошая ты баба, Анята.

Это еще в институте кем-то из женихов было сказано. Запомнила, как глядеть надо, чтобы все думали, что уже вон какая взрослая и целостная, до целой «бабы» доросла. Курила по-взрослому, очень вызывающе и соблазнительно. Зажигалку не носила, позволяла мальчикам ухаживать за девочкой.

А в душе – дитё. Сопливое и плаксивое. Да еще и кашляющее от попадания никотина в детский нерастущий организм. Однажды увидела себя в зеркале – пухленькие розовые пальчики, губки дудочкой. Безжалостная правда наконец ей открылась: видок тот еще, вызывающе-идиотский. И в фас, и в профиль. И даже если длинные тоненькие. И даже если ногти черным красить. Бросила.

Так и жила Анна Алексевна, скрывая за томным прищуром и двойным пушапом близорукую плоскую девочку, такую же наивную и славную, какой ее папа из роддома принес.

Любимая папина дочка. Залюбленная, занеженная, заласканная. Били бы ремнем, может, не было бы столько уверенности на ровном месте. Папа усаживал ее к себе на ладонь (лет до пяти, потом уже попа не помещалась) и поднимал руку высоко-высоко. Она чувствовала себя всемогущей, выше всех – и мамы, и брата, и даже папы. Весь мир был у этих коротеньких ножек.

Сравнительно удачная личная жизнь позволяла оставаться наивной и славной. Мужчины капризничать разрешали регулярно, попа-то вон какая. Все простить можно. Все позволить. Просит ребенок, ну как отказать?

Если что по мелочи, так совсем бесппроблемно доставалась. Тряпочки всякие, побрякушки. Девочка она ж, ясное дело, жить без этого не может. Оттого само собой разумелось наряжать, как куклу, да баловать.

Замуж выходила громко. Точь-в-точь, как шестнадцатый день рождения. С фейерверком, с розовым тортом и детскими фото невесты на большом экране. Жених был счастлив – вон какую куклу отхватил, можно и на капот своего мерседеса прицепить, на зависть всем. Идеальная пара сложилась. Мальчик встретил девочку.

Вы не подумайте ни в коем случае, что я имею что-то против маленьких детей. Вроде как говорю пренебрежительно или язвительно. И девочек, и мальчиков маленьких я очень люблю. Обожаю даже. И злого умысла не ищите. Совсем неплохо быть в душе крошечкой, пусть и до самой старости. Кожа на лице потрескалась, попа стопудовая, а ребенок через глазницы покажется – годков на десять меньше дадут.

Я просто все это к тому веду, что чувства Анятины оставались такими же молочными, как и зубы той, что в душе у нее жила. Наука такое отклонение не берется объяснить – то ли кальция организму не хватало, то ли совести.

Опять я с плохой стороны пытаюсь героиню показать. Не с выгодного ракурса фотографирую, так сказать. Есть такое, каюсь. Завидую, может? Мы, взрослые, это умеем...

Как-то раз повстречала Анята дяденьку на большом взрослом празднике. Стройного, красивого, умного и пронизательного. Высокого и внешне, и внутренне. Тот сразу разобрал, что имеет дело с ребенком в теле тетеньки. Улыбнулся. Отодвинулся. Девочка расстроилась. Такая-прям-вся-растакая – и на тебе: дяде не понравилась. Обидно. Досадно. Надула губки.

Губки ох как хороши. Даже серьезный дядя засмотрелся. Правильные такие, пухленькие, как розовый цветочек. Две дозы гиалуронки, шутка ли. Складывая губки, девочка молчит. Оттого привлекательность ее резко повышается.

Дядя не выдержал – разок поцеловал. Вкусно. Поблагодарил за ужин и раскланялся. Дома жена и дети. Спасибо, десерта не надо.

Детка в слезы. Детке больно.

Какой роскошный дядя попался. Мечта каждой нежной девочки, чтобы заботливый папа по наступлению возраста половой зрелости передал ее в руки вот такого дяденьки. И тот уже дальше нес по жизни на ручках, улюлюкая и баюкая.

Только у него на ручках уже кто-то есть. И на плечах тоже. Посади хоть на колени.

Не хочет. Увертывается.

Девочка все мысли издумала. Как дядю заполучить? Нет, не другого – вот этого хочу! С зелененькими глазками!

Друзья хоть общие. Встречи нечастые.

Юбочка новая. Бантик. Не на голове – на попе, чтобы сильные стороны подчеркнуть.

Взгляд томный. Губки в стойке.

Победа!

Десерт завернуть?

Не стоит.

Опять не стоит?

Исчез, сволочь.

Что-то колет внутри. Больно так.

Руки вспоминает нежные, сильные. С этими руками рядом жить – ничего не бояться. Мужчина, взрослый такой, прямо настоящий-пренастоящий, не Кен, точно.

У девочки сердце разболелось. Так недалеко и до сердечного приступа. Такая маленькая, а страдает по-всамделишному. Не спит, не ест. Даже с ложечки. Покапризничать бы... Так перед кем? Был бы такой дяденька собственный, тогда бы устроила ему.

Плакать остается только с подружками и подушками.

Вон она какая любовь, оказывается. Болючая.

Ни описать, ни пересказать.

Как опишешь? Допустим, кушать очень хочется. Чувствуешь пустоту в желудке. Колет в животике что-то, ноет. А утолить голод нечем. Ну, например, пошла по магазинам. Набрала вещей на примерку. Меряешь, меряешь. Время идет. И не замечаешь, как полдня уже нет. Время обеда давно прошло. И тут как разболится живот. Тошнит, голова кружится. Уже и тряпок не хочется, и туфелек. А до еды-то еще надо добраться. Больно так, противно. Злишься на себя, что так вляпалась.

Так и любовь. Очень похожие страдания. Разве можно девочек обижать? Особенно таких ранимых и тонко чувствующих. Она ему и душу свою готова, и губы, и попу опять-таки. А он.

Но девочка нам попалась очень целеустремленная.

Книжек начиталась с советами от умных тетек. Еще пару юбочек для убедительности прикупила. Вышла на охоту.

Не отдам такого хорошего дяденьку никому!

Дяденька сопротивляется. По-разному. То убегает, то дышит часто-часто, то пытается выпутаться из нежных объятий девочки. Она ж, гадина, такая славная, что редкий зверь на такой капканище не попадется.

Жена узнала. Расстроилась. Слезы, сопли всякие. Такие люди взрослые, а ведут себя как маленькие. Смешная тетка. Это же любовь у девочки с дядей, что не ясно?

Взрослый дяденька пошатался от тетки к телке. Настойчивость оценил. Призадумался.

Говорит девочке, мол, раз ты меня так любишь. И жена все равно грозитя уйти и детей забрать... Устал я. Вроде, дядя взрослый, но без женской ласки никак не могу. Поженимся, что ли?

Засмеялась девочка, посмотрела на него, как на маленького, стыдливо покраснела.

– Так я ж замужем.

И сама забыла. Память девичья, короткая. Но детке ж все прощается?

Нет, в угол не пойду.

Чужая

Три года. Сегодня ровно три года, как она живет в этом новом мире. На этой разноцветной кухне с радужными занавесками. Рядом с этим мужчиной, который умеет ее смешить. В этом милоттихом городе. В этой огромной чужой стране.

Быстро ли время пробежало? Медленно ли текло? Смотря какой меркой мерить. Земля три раза вокруг солнца успела обернуться. Если вспоминать все события, приятные, нежные моменты (необычные, новые, но все же приятные). Вроде быстро. А если закрыть глаза, представить родной дом.

Как они там? Никакие средства связи не помогут вдохнуть запах города, где ты родилась. Ни один экран не передаст настоящую картинку, по которой тоскуешь уже больше тысячи дней. И еще миллион раз вспоминаешь о маме. Она старалась улыбаться, когда провожала ее.

Он добрый. Веселый. Чудаковатый. Хороший. Он сделал все возможное, чтобы она не чувствовала себя здесь чужой. Показывал, рассказывал, знакомил, окружал заботой и новыми впечатлениями. Он много путешествовали по стране. Она учила язык. Он заботился о ней. Обустраивал быт, пытаясь повторить привычные для нее условия. Старался раньше возвращаться с работы и как можно больше времени проводить с ней.

Она ценила. Любила его, как умела. Скрывала грусть за дверью ванной комнаты. Старалась не плакать на людях. Отвлекалась на новое. Перенимала здешние традиции и взгляды на жизнь. Знакомилась с людьми.

Когда она сообщила, что выходит замуж и переезжает, подруги ее предупреждали, что будет тяжело. Отговаривали. А она так хотела верить в их неземную любовь. Завязавшиеся на расстоянии отношения казались всемогущими. Она верила, что все разное между ними сотрется рано или поздно.

Но только все осталось чужим, какими бы нежными ни были их отношения. Каким бы сильным ни было желание навсегда быть вместе.

Улицы чужие. Люди. Цветы.

– Привет, милая. Как ты? Что делала сегодня?

Он вернулся домой с букетом белых тюльпанов. Она поднесла их близко к лицу, вдохнула чужой аромат. Как странно они пахнут. Резко, сладко. У нее на родине тюльпаны совсем другие.

– Привет, спасибо, любимый. Я провела чудесный день. Впрочем, как всегда. Утром я смотрела ваши новости. Доела вчерашний пирог. Поливала цветы в саду. Потом я бродила по городу. С пользой. Познакомилась с приятной и приветливой девушкой. Она работает в книжном магазине. Мне же нужны друзья здесь. Я ей рассказала, откуда я. Она помогла мне выбрать хорошие книги. Посмотри, каких я купила авторов. Думаю, они мне будут очень полезны. И язык. И культура. Может, я все-таки стану чуточку своей.

Он обнял ее. Она попыталась улыбнуться.

Она не сказала, что это было уже после обеда. Все утро она плакала на крыльце дома. Не сдерживая рыданий, запрокидывала голову, смотрела на безоблачное небо и молилась о встрече с родными. Больше она не могла ждать. Три года, три долгих года она пыталась не страдать, не думать о своем настоящем доме. Любовь не смогла сделать этот разноцветный домик родным. Невыносимая тоска превратилась в истерику, потоки слез и противоречивых чувств.

– Я хочу домой.

Он с грустью посмотрел на нее. Знал, что так будет – рано или поздно. Прятал эту мысль глубоко в сердце. Боялся, но всегда знал. Надеялся оттянуть этот тяжелый момент. Они ни

разу не говорили об этом за три прекрасных года. Но время настало. Он видел по ее глазам, что она не передумает.

– Я понимаю. Конечно. Когда?

– Чем скорее, тем лучше. Я больше не могу.

– Надолго?

– Ты же знаешь, что только на дорогу туда и обратно уйдет очень много времени. Но я постараюсь быстрее.

– Ты вернешься?

– Конечно, милый. Не волнуйся. Я обязательно вернусь.

Они пытались улыбаться. Пытались не думать, что это конец. Он был уверен, что это так. Она сомневалась. Ей просто очень хотелось увидеть дом.

Спустилась ночь. Две нежные тени прощались, не зная, сольются ли в одну вновь. Два разных человека, две разные судьбы, два разных мира. Когда-то расстояние не стало помехой для их любви. А любовь не стала помехой для расставания.

Она не спала. Улыбалась, думая о предстоящем волнительном путешествии. О встрече с мамой. Друзьями и родными. Предвкушала. Смотрела на спящего. Тоже с улыбкой. Грустной. Три неповторимых года, наполненные новыми ощущениями, иллюзиями, попытками стать своей. Кто знает, может, она все-таки вернется когда-нибудь в этот тихий городок.

Она поцеловала его в губы. Губы чужеземца. Странные на ощупь и на вкус.

Встала с почти уже своей постели. Подошла к окну. Распахнула широко и скользнула на подоконник. Сердце было переполнено радостью, волнением, любовью. Это сердце тоже умело чувствовать.

Оглянулась. Спит. Не надо ему видеть. Без прощаний и лишних слов.

Тоненький хрупкий силуэт исчез в окне. Если бы он проснулся, то увидел бы, как его любимая полетела домой, к своей родной планете.

Секс и зеленый чай

Пт, 24 окт., 13:02

Милый друг!

(Красиво звучит, где я могла это прочесть?)

Итак, милый друг!

Я никогда не смогу это произнести, глядя тебе в глаза, – поэтому пишу. Сколько это займет смс-ок, я не знаю. Надеюсь, денег на телефоне у меня хватит. И обеденного перерыва тоже. Не перебивай, прошу. Входящие звонки и сообщения я принимать не буду, пока не завершу свою речь. Ты бы сказал, пока не закончится мой ПМС. ПМС в смс... Как угодно.

Пт, 24 окт., 13:07

Настала пора положить этому конец. Нет, я не расстанусь с тобой. Я не этого хочу. Надеюсь, взаимно. Но этой неопределенной, слегка затянувшейся (ха-ха), довольно милой, но начинающей раздражать каждый мой орган, а еще мою маму и близкую подругу ситуации мне хочется сказать «Адиос!». Заручившись их поддержкой и ста гривнами на счету, я стартую.

Я говорила, что замуж не хочу?

Вранье.

Утверждала, что люблю только свою работу и никогда не уволюсь, чтобы стать домохозяйкой? Что я – карьеристка и феминистка?

(Хм... даже самые мужественные мужчины бывают по-женски наивны. Особенно, когда им это выгодно).

Так вот – такое же вранье.

Что мне нужен от тебя только секс и зеленый чай, который ты вежливо завариваешь по утрам, перед тем как выставить меня за дверь?

Тоже вранье, конечно!

Кстати, я люблю черный.

Пт, 24 окт., 13:11

Что в Европе девушки о замужестве до тридцати пяти даже не думают, а я прогрессивная европейская женщина?

Вранье! Вранье! Вранье! Посмотри на мои карие раскосые глаза. Это же доминирующий азиатский ген.

Не звони мне, сказала! Трубку не возьму!

Я должна выпустить наружу этих ядовитых змей, которые жалят меня беспощадно, не дают мне спокойно жить, спать, дышать, да просто любить тебя в той позе, которая тебе больше всего нравится.

Пт, 24 окт., 13:20

Помнишь, два месяца назад мы ходили на свадьбу нашей общей подруги? Я была так счастлива. Мы танцевали, ты обнимал меня как родную. В тот момент мне хотелось читать по твоим глазам: свадьба, дети, как мило... я тоже так хочу. Искренняя улыбка. Я помню, сколько ты выпил. Не поверю, что это был всего лишь Чивас.

Только сейчас я, дура, поняла, что тебе просто нравились мои ироничные шутки про невесту и жениха. Я вторила твоему циничному настроению, и ты умилялся моею... как бы это назвать?... необременительной доступностью.

Вранье!

Пт, 24 окт., 13:28

Каюсь! Врала, ибо не видела другого выхода. А что мне нужно было сказать? Что я хочу надеть на себя эту смешную фату и обязательно подвязку, которую ты мне должен снять зубами в конце вечера? Что я хочу свидетелей и торт с белковыми голубями? Что обязательно надо пригласить тетю Лиду из Троицкого и всю семью моего двоюродного дяди из Харькова, а то обидятся? Чтобы ты понял, что моя Щ вместо Ш в некоторых словах обусловлена не логопедической гламурностью, а пейзажным происхождением? Что, цитируя Канта и прогнозируя рост цен на рынке недвижимости Одессы, я остаюсь бабой? Обычной бабой с языческими забобонами и страстно-бредовым – генетически обусловленным желанием взять себе другую фамилию? Ты и так самозабвенно оберегал ее аж до тридцати шести. Может, поделишься?

Пт, 24 окт., 13:34

Стоп! Не пиши мне ничего! Я же сказала, читать не буду. Позволь мне выговориться. Даже если это первый для меня (и он же последний для тебя) по-настоящему честный спич.

Вранье все!

Я была бы рада даже без фаты и подвязки. И платье можно скромное, не свадебное, любое Дольче.

Пт, 24 окт., 13:41

И харьковскому дяде нашла бы как объяснить, почему его не пригласили на столь знаменательное событие.

И без голубей можно. Розочки хотя бы масляные на торте оставить. И без фотосессии и видеосъемки (на что только не согласишься после тридцати!).

Но фамилию я бы взяла.

В обмен разрешила бы футбол-пиво с друзьями и ноги на стол после ужина. (Только полуфиналы и финалы... И только на журнальный столик).

Стоп! Это сообщение удалю. Что-то пообещать я всегда успею.

Пт, 24 окт., 13:48

Ушло, жаль.

Пт, 24 окт., 13:50

А твоя мама, между прочим, мечтает тебя женить! Сделай это хотя бы для мамы. Она так хочет внуков!

Ах, я как-то утверждала, что хочу быть «чайлд-фри»?

Ну... ты уже понял. Вранье.

Пт, 24 окт., 13:52

Я столько тебе врала, что, конечно, ты имеешь право стереть все эти послания, мой номер телефона и меня из своей жизни.

Мне придется это принять. Потому что на лжи.

Не звони, подожди еще немного.

Пт, 24 окт., 13:55

Но вдруг (такое же тоже может быть, хотя я себе это слабо представляю) ты тоже мне врал. Вдруг когда-нибудь ты все-таки думал о том, чтобы иметь семью, любящую бабу рядом, смешных спиногрызов и веселого дядю жены, который тоже любит рыбалку. Вдруг твоя позиция молодого (тут я улыбнулась) и независимого холостяка несколько пошатнулась и чуть стала ближе к земле. К людям. К банальному человеческому счастью.

Я здесь. Я жду тебя. Я согласна.

Пт, 24 окт., 13:59

На этой пафосной ноте (ты любишь долгие и громкие тосты: на свадьбе Ольки ты был чуть ли не красноречивее самого шефа (кстати, как он там тоже оказался?), я подумала, тебе должно понравиться) разреши закончить мой сумбурный поток сознания. Отключаюсь в ожидании приговора и моего розового спортивного костюма, спрятанного у тебя в шкафу (мне так хотелось стать тебе немного ближе, можешь оставить его у консьержки).

– Алло! Да, Глеб Георгиевич! Слушаю вас! Обед же еще не закончился! Уже нужна? Скоро буду! Что вы говорите? Выходить за вас? Что??? Что вы имеете в виду? Получили все мои СМС? (О, боже мой! Вот же идиотка!) Все-все пришли вам? Что назначать? День свадьбы? Вы с ума. Вы сумасшедший! Я согласна! Вам сорок один на самом деле? Не беда! Что вы не поняли? На ты. Хорошо. Ты не понял про секс, зеленый чай и спортивный костюм? Вечером у тебя я все объясню, милый друг!

Кенийская принцесса

– Мадам, еще джина?

– Спасибо, на сегодня достаточно.

Я наблюдала африканский оранжевый закат, сидя на террасе любимившегося ресторана на пляже Диани Бич. Только вдали от обычных забот, суеты и хаоса большого города я могла позволить себе так долго рассмотреть, как садится солнце. Не мигая, следить за остывающим красным диском, который лениво погружается в засыпающие волны Индийского океана.

Только в путешествиях у меня бывало предостаточно времени, чтобы наслаждаться природой, ее загадками и всеми теми чудесными явлениями, на которые дома не было возможности обратить внимание. (Ну разве что за исключением смены дня и ночи). Ну и, конечно, появлялось время, чтобы следить за окружающими меня людьми – приезжими и местными жителями. Подмечать все те забавные детали, из которых потом складывались мои истории. Наблюдения были не просто частью праздного времяпрепровождения, это был инструмент мастера, моя, чего уж там, сильная сторона.

В то время я писала рассказы для одного небольшого журнала. Работу свою любила, и редактор каждый раз хвалил мои миниатюры. Но всегда мечтала написать что-то стоящее. Серьезное произведение, которое вышло бы отдельной книгой. Я была уверена, что у меня хватает навыков и мастерства. И что я уже выросла из двух страниц между рекламой прокладок и пищевых добавок.

Допив остатки Бомбея, я оглянулась. В ресторане было полно народу. Пили, что-то шумно обсуждали, размахивали руками, смеялись. Туристы – подгоревшие, румяные, празднично-счастливые.

Яркой вспышкой на общем фоне мелькнуло что-то желтое. Я присмотрелась. Мое внимание привлекла темнокожая девушка, обладательница желтого шелкового платья, сидящая за дальним угловым столиком с пожилым мужчиной. Светло-темнокожая. Если можно так сказать. Ее оттенок заметно отличалась от кожи официантов и барменов. Коричневая, бархатная, отливающая драгоценным металлом. Манеры ее были удивительно изящны. Такой изгиб спины, гордый подбородок, тончайшие длинные пальцы, держащие столовые приборы. Неторопливая грация женщины, которая знает наверняка, что за ней всегда следят любопытные и сладострастные глаза. Будь она на десять тонов светлее – так могла бы выглядеть французская аристократка.

Кенийская принцесса. Последующие семь дней я называла ее именно так. Я следила за каждым ее шагом, изучала детали многочисленных нарядов, пыталась разгадать темы душевных разговоров девушки и ее спутника. Он часто сжимал ее руку за столом так нежно, что на мои глаза наворачивались слезы. Принцессе было не больше двадцати. Ее спутнику – далеко за сорок. Шестидесят – это же тоже за сорок? Меня это нисколько не смущало и романтизма не убавляло. Я должна была написать об этой паре роман.

Пусть я ничего о них не знала. Мне достаточно было понаблюдать за принцессой и ее спутником во время моего отпуска. История родилась бы сама собой.

Все обернулось в приятную игру, в ходе которой я чувствовала себя не то автором, не то детективом. Со мной всегда была моя записная книжка или телефон, в которые я делала заметки. Я записывала о Кенийской принцессе все, начиная с раннего утра. Во что была одета, что ела на завтрак, какой купальник был на ней до обеда и какой после. Как она укладывала волосы к ужину, какого цвета было вечернее платье и какие к нему шли ювелирные украшения. Кстати, одежда тоже подчеркивала ее королевское происхождение. Только лучшие ткани, лучшие дизайнеры, безупречный вкус и шарм. Не удивительно, что пожилой мужчина ни на минуту не отводил взгляда от своей подруги. Любовался, как она подносила хрустальный

бокал с Régie-Jouët к своим бесконечно чувственным губам. Как держала белую салфетку, кокетливо отводя мизинцы в сторону. Как поправляла крупную сережку с рубином, который в сумерках становился черным.

Утром он давал ей немного свободы. После завтрака принцесса нежилась одна на белом кенийском пляже. Не для загара – для шикарной картинки. Необычайно белый песок и черная женщина.

Из какого материала лепятся такие тела? Это не плоть и кровь. Это шоколад и корица. Самый дорогой и высококачественный шоколад, который не найти даже в Швейцарии.

Затем она проводила два-три часа в спа, доводя до совершенства то, что и так уже было безупречно. Каждый день новая прическа, новый цвет лака на ногтях нежных ручек и ножек. Оранжевый лак к оранжевому парео. Красные живые цветы в волосы к красному льняному костюму. От подмеченных деталей кружилась голова.

Она прекрасно говорила по-английски. Пару раз я слышала от нее французскую речь. Спутник нежно отвечал: «Oui, oui». Мне кажется, они обсуждали качество пасты. С шеф-поваром она говорила по-итальянски, часто делая ему комплименты за прекрасный ужин. Юная, красивая, образованная.

Я была уверена, что род ее знатен и могуч. Королевское спокойствие, величие в ее глазах и тонких чертах одухотворенного лица. О чем же будет эта книга? Конечно, о любви. Юная принцесса влюбляется в пожилого посла, допустим, Англии, прибывшего в ее родное королевство Лесото. Чем не современная интерпретация «Юноны и Авось»? Королевское высочество в гневе, принцесса бежит с возлюбленным... Нет, не бежит. Летит первым классом в Танзанию, затем в Кению. А после в Европу. Век-то не каменный. Кто теперь что дочке запретит? Тем более, принцессе.

Любовь, природа, путешествия, сказочная Африка и Старый Свет. Вернувшись домой, я собираю все свои заметки, примечания, детальные описания. Отдельные слова обретут форму. Я не должна была упустить ни одной детали. Ничто не могло упорхнуть от моего зоркого и пытливого взгляда писателя. Я хотела знать о Кенийской принцессе все.

Как хорошо, что со мной был настойчивый и милый спутник. В погоне за первым романом я совсем забывала глядеть по сторонам и наслаждаться пейзажами. Он организовывал экскурсии, рыбалки, сафари, на которых я делала записи о вновь всплывавших деталях будущего романа. Я даже сначала пыталась отказываться от поездок. Но потом решила, что описание увиденной природы добавит особый колорит роману о потрясающей любви.

Порой меня отвлекали от работы то зажаренные на костре прямо на берегу свежепойманые осьминоги. Местный рыбак не особо миндальничал и перед приготовлением мыл их соленой водой океана. Сидя на маленькой коряге за большой корягой, которые служили стулом и столом, под бокальчик белого вина из ресторана отеля и под удивленные взгляды чопорных немцев я отрывала зубами огромные, чуть подгоревшие куски жестковатого тельца, и в этот миг мне было веселее, чем в любом месте, отмеченном звездой Мишлена. Принцесса, проходя мимо, лукаво мне подмигнула. Видимо, знала толк в настоящем веселье.

А иногда мы отправлялись на подводную охоту. И проводили полдня под водой в двухстах метрах от берега среди разноцветных кораллов, рыб-попугаев и карликовых мурен. Не знаю, почему они были такие маленькие. Может вид такой, а может, просто всех больших съели местные жители. Кстати, мурена – это тоже было очень вкусно.

На два дня мне пришлось покинуть мой пост наблюдения. Мы отправились на сафари в парк Масаи Мара. С борта маленького чартерного самолета я увидела заснеженную вершину. Тут же в телефоне перечитала «Снега Килиманджаро» Хемингуэя. Вот настоящий писатель, меня всегда вдохновляющий. Я плакала. В очередной раз. Соседка справа, полная милая африканка, периодически переспрашивала: «Are you ok?». Я молча кивала, пытаюсь сквозь слезы улыбнуться.

Кстати, там же открыла новое для меня «Недолгое счастье».

Все эти гепарды, леопарды, львы и носороги несколько отвлекли меня от моей книги и главных героев. Любопытный жираф пытался засунуть голову в джип, но угол наклона не позволял. Приходила знакомиться гиена и приводила своих гиенчат. Или щенят, как там правильно. Под прицелом взгляда Буффало я отводила глаза и даже не могла его сфотографировать четко. Природа напоминала такие родные, но лишённые густой растительности украинские степи. Только они были гротескно пересыпаны косулями, антилопами, бабуинами, варанами и никогда не останавливающимся диким кабаном Пумбой.

Африка поражала своей естественностью, самобытностью и беспощадностью. Парнокопытные, мирно соседствующие с хищниками днем, ночью ими же сжирались, оставляя после себя повсеместно грустные памятники в виде рогов. А мы становились свидетелями их безвременной кончины. В последнюю ночь пребывания в заповеднике под одной из палаток неподалеку от нашей обнаружили следы печальной ночной трапезы. Все, что осталось от пытающегося удрать буйвола: его кровь, остатки внутренностей и недоеденную ногу. Туристы, жившие в той самой палатке и за ночь поседевшие, утверждают, что он мучился долго.

Обратная дорога на побережье была наполнена обменом впечатлениями, поистине одними из самых ярких в жизни, и моим нетерпением закончить историю любви, которая несомненно потрясет мир.

В последний вечер перед отъездом мы смаковали все тот же джин и все тот же (но всегда разный) закат. Меня переполняли восторг и трепет, предвкушение чего-то нового, важного в моей жизни. Все стало возможным благодаря Кенийской принцессе, повстречавшейся мне на пути.

– Какая же она красивая, – наконец я решилась поведать о захлестнувшем меня восхищении и творческих планах своему мужчине.

– Африка? Да! Потрясающая! – он ответил с не меньшим восторгом.

– И Африка тоже. И вот та чернокожая красotka. Ее пожилой спутник такой галантный! Прекрасная пара. Я за ними пристально наблюдаю всю нашу поездку.

– Какой именно джентльмен? Сегодняшний? Она же каждое утро с новым. Проститутка местная.

Я поперхнулась ледяным Бомбеем.

Ну, что ж. Все мы, женщины, не без греха. И писательницы. И принцессы.

Письмо жене от любовницы

Да, это именно я, – наглая, подлая тварь. Твою реакцию пропускаем. Письмо я все равно напишу, даже понимая, что дальше первой строчки можешь и не пойти. Мне для себя самой важно высказаться. А сделаешь ты выводы или нет – как хочешь. Мне легче будет. Совесть все-таки имеется какая-никакая. Да и карму почищу. Вдруг сама кому женой стану.

Да, мы спим. Давно. Часто. «Спим» – просто слово корректное под руку попало. Сном, разумеется, это сложно назвать. Просто спать нам некогда. Это он и дома может с тобой. Мы трахаемся, совокупаемся, сношаемся, спариваемся, долбимся, пилимся, пихаемся, дрюкаемся, пердолимся, жукаемся – короче, ведем активную половую жизнь. Активную, но недолгую. Она занимает. Это занимает примерно три процента времени наших встреч. Все остальное время мы едим и болтаем.

Надо признаться, тебе отведено даже больше времени, чем сексу. Я ощущаю твое присутствие, даже когда ерошу его голову у себя между ног. «А моя не так любит». Смотри-ка, помнит. Да, да, твой суженый любит говорить о тебе в неожиданных местах и с неожиданными подробностями. Главное – почти всегда с уважением и восхищением. О твоей красоте и многочисленных талантах. О том, как он гордится, что ты его младше на целых десять лет. О твоей прекрасно сохранившейся после родов фигуре, изумительно пропорциональных чертах лица и кулинарных способностях. Пожрать он любит. Здесь тягаться не буду. Отличить слоеное тесто от дрожжевого я не смогу даже при помощи всезнающего Google. Нет, конечно, иногда твой супруг вспоминает о тебе не только в восторженных красках. Но только в контексте «ты меня так понимаешь, а она, стерва, нет».

О чем еще мы говорим? О нашем общем советском детстве (мы с твоим мужем ровесники – не надо язвить, Ленина я не видела). О старых мультфильмах и комедиях Гайдая. Не смотрела? Зря, посмотри. Он особенно любит повторять фразы из «Ивана Васильевича». Он начинает, я кончаю. Ой, ну это тоже бывает. И не только от фильмов.

Я понять не могу, ты что, секс совсем не любишь? Ну хоть немножечко, хоть разок в день? Может, ты с Ним не любишь? Просто он с таким щенячьим восторгом принял минет, что мне показалось – он у него первый в жизни. При слове «анал» он очень густо покраснел, и я решила отложить эту тему на неопределенный срок. Но, сказать по правде, разочаровалась.

Твой муж такой стеснительный, ему надо мало секса, тебе – еще меньше. Скажи, как у вас получились дети? Ребят он, кстати, очень любит. Говорит, не разведусь, пока не вырастут. Хочет, чтобы были счастливы. Бред какой. Как могут быть счастливы дети в семье, где муж смотрит налево, а жена внутрь себя? Жалко пацанов. Но не надо долдонить, что до моего появления здесь все было по-другому. Я, оказывается, уже третья у него. Ты в ужасе? Мне тоже немного обидно. И за тебя, и за себя. Очевидно, что из семьи ко мне он не уйдет. Но и тебе верным уже никогда не будет.

«Чего я с ним время теряю?» – спросишь ты. А черт его знает. Жалко его. Хороший же человек, а как побитая собака приходит, голову на колени мне положит. А глаза мокрые! Я-то думала, секса на стороне мужчине захотелось. Была не прочь. Встретились. А тут такое.

Люблю ли я его? Люблю, наверное, впрочем, как всех людей. Люблю слушать его, смеюсь, когда он рассказывает по три раза свои любимые анекдоты, вздыхаю, когда жалуется, прощаю, когда опаздывает. Люблю о политике с ним поговорить и о футболе (не сложно запомнить десять фамилий и вставлять вовремя в разговор). Еще пиво с ним пью. Не люблю, но пью. Просто он так радуется, когда я пену с бокала слизываю, закатывая глаза. Смешной.

Говорят, что пары, употребляющие алкоголь только в компании друг друга, более счастливы в браке, чем остальные. Не часто. С душой. С обсуждением желаний и совместным похме-

льем. Но ты же не пьешь? Ну да, диета, совершенная фигура. Вот мне и приходится за тебя отдуваться.

И вообще, заметь, я просто помогаю тебе по хозяйству. Как няня или охранник. Не за что меня ненавидеть. Могу отдать назад часть работы. Например, опять же таки, секс. Тебя же это больше всего беспокоит? Такой звезде изменяют! Я была бы рада с твоим мужем только болтать в обеденный перерыв. Но у него такие голодные глаза. Это просто «mercufuck», так сказать, по доброте душевной.

Не могла я сначала понять, зачем ему все это нужно. Жена молодая, красивая. Теща богатая. Дети умные. Дела успешные. Дом огромный. Porsche белый. Секс нужен скромный. Чего еще человеку не хватает?

Устает он все время тянуться. За папой, за братом, за тещей, за тобой. Выше, выше, выше. Высшее общество, высокие запросы, высочайшее качество. А расслабиться-то не с кем. Знаешь, что он заказал в сауну, когда мы договорились встретиться первый раз? Докторскую колбаску, сардины в масле, воблу и пиво дешевое. Мой специально купленный по случаю новый комплект Agent Provocateur до сих пор пахнет этими вкусняшками. Не знаю, как он понял, что я с удовольствием разделю с ним эту трапезу. Может, сквозь слой французского кружева, ботокса и умело наложенного тона гламура он разглядел меня настоящую – такую же уставшую от «высокого полета». Твоя версия? Может, ты и права, сказывается возраст. По крайней мере, на октябрьском значке я таки видела Ленина.

Не буду говорить, что я очень сожалею и все такое. Конечно, мне бы тоже было неприятно узнать, что вместо роскошного семейного обеда, приготовленного собственноручно не менее роскошной хозяйкой, муж жрет консервы в бане на Шишкина с голой телкой. Звучит при-
скорбно.

И не думай, что я пытаюсь тебя учить, как надо обращаться с твоим мужем. Неблагодарная была бы работка. Мой один совет – беги. Закрой глаза, зажмурься, затаи дыхание и беги! Прочь от него. Только быстро. Пока все не раскрылось, пока обо мне знаешь только ты одна. Ты не переживешь, если об этом узнают и заговорят все ваши друзья. А если весь город! Так, вероятно, и будет. А ведь ты скорее готова простить чужие губы на его члене, чем острый язык закадычной подруги по твоей репутации.

С тобой он не будет другим. Ничего не изменится. Не со мной, так следующая найдется. А искренне тащиться от пива и слушать котировки валют в постели не сможешь ты. В мире больше семи миллиардов людей. Думаешь, не найдется такой, который заставит тебя жить по-другому? Этот слишком интеллигентен и застенчив (да, да, я о муже твоём), чтобы взять тебя разок за волосы и сделать насильно счастливой.

Времени нет, поспеши. Семь миллиардов шансов. Боишься, что так говорю, потому что себе его наметила? Отнюдь. Надолго не задержусь. Я слишком люблю анал.

Крылья

Когда-нибудь я расправлю свои крылья. Которые прятала от людей. Да и от себя.

Когда их пригреет застенчивое весеннее солнце – каждое мокрое и слипшееся перышко получит свою долю долгожданного тепла и света. Крылья станут легкими и невероятно работоспособными. Полезными для меня и для целой Вселенной. Наверняка. Я подойду к окошку, подниму левое крыло, с любовью огляжу каждый дюйм недооценённой части меня. Подниму правое крыло, еще чуть скованное долгой обездвиженностью. Суставы похрустывают – давно не тренировались. Медленно разведу крылья в стороны, оценивая размах и потенциал. Торопиться не буду, я теперь все успею. Улыбнусь солнцу. Улыбнусь крыльям. Я готова.

И взлечу. Навстречу ветру. Навстречу миру. Навстречу своей крылатой судьбе. Чуток пафоса в такие минуты не помешает. Не смейтесь.

Я буду парить над Землей, наслаждаясь своим дивным пробуждением от затянувшейся зимней комы.

Все, что не приносило ни радости, ни восторга, ни ясности, предстанет в новом удивительном свете. Зло обернется в пыль. Добро возьмет метлу побольше. Я увижу новый мир. Мир, который больше свет, чем несусвет.

Люди, спешащие по своим делам, расправят хотя бы плечи, если не крылья. В городской суете, вечном кризисе духа и созидательного разума будут извиняться, задевая плечами прохожих. Найдут возможность улыбнуться простецким житейским радостям, например, правильному кофе в правильной компании. Представьте, в обиход войдет выражение «хорошая новость». Все снимут черные зимние куртки и пальто, облачатся в светлое. Пусть и прошлогоднее, или даже позапрошлогоднее. Плевать. Когда у тебя есть крылья, можно вообще не думать об одежде. А голой летать еще легче.

Столько всего важного я смогу сделать. К цене на бензин я тоже буду равнодушна. У меня же будут крылья. Осталось только немного подождать.

Крылатая, окрыленная, парящая, летучая, летающая, летящая.

Волю бы в кулак... и дожидаться старта. Не спать, не спать. Не киснуть, не хандрить, не ныть. Не смотреть из окна вниз. Только вверх, только в небо.

Я вдохну этот сильный и отчаянно смелый воздух весны и полечу.

Крылья помогут мне переделать все накопившиеся за время спячки дела.

Я всем позвоню. Со всеми встречу. Навещу или к себе позову на торт. Почему бы и нет? Ну и что, что раньше не умела. Я найду время для каждого, кому я нужна и кто нужен мне. Кто делает мой мир живым и искренним.

Схожу в кино. И обязательно в театр. Два раза. Уже смотрю афиши.

Допишу рассказ. Прошлогодний. С новым поворотом сюжета.

Пойду на спорт. Суставы будут рады. Не просто пойду, буду жить спортом. Я все успею, крылья-то на что?

Перекрашусь в блондинку и наклею ресницы. Зачем? Просто так.

«Хлопай ресницами и взлетай!». Скорость полета, наверное, увеличится.

Я столько смогу и сумею, что сейчас даже всего не перечислить. И платье новое. Красное. Почему красное? А почему бы и нет?

Дождаться хотя бы первого марта. Никто не гарантирует, что по факту придет весна, но душа и конечности уж точно оттают.

А пока холодно.

Я сижу на диване, укрытая старым теплым пледом. Не то что летать – лень подняться за пультом от телевизора. В серых шерстяных носках, с восьмой чашкой чая, синим носом и искрящимися от ожидания чуда глазами.

Дорогая

Что же я тебя, подруга, так ненавижу?

Нет, я, конечно, бесконечноискреннеулыбаюсь, поднимаю часто-часто бокал (шампанскоехорошее, это правда), пью за твое, Светка, здоровье нервными жадными глотками, за жениха твоего принцеподобного. Даже крикнула «горько» три раза после пятого тоста новоиспеченной тещи. Ты мне подмигнула так нежно, по-дружески, заговорщически, усаживая рядом с неженатым гостем, очевидным дебилом в черном костюме и бежевых туфлях. Спасибо, дорогая!

Кстати, ненавижу это слово «дорогая», цепкий вирус-паразит. Сама часто произношу его и ненавижу. Когда я настоящая, нежеманная, что, надеюсь, со мной случается, я просто обращаюсь по имени. Уж лучше уменьшительно-ласкательные суффиксы. А то «дорогая»! Уже примешивается просьба об услуге, легкое высокомерие, снисхождение, оправдание, осуждение, кто на что способен. А может быть, просто сегодня за этим настоящим столом настолько остро чувствую притворство, что даже обычные нежные обращения подруг кажутся мне фальшивыми. Но «дорогая»... Апогей ненависти, приправленный светским этикетом.

Вы не замечали, что женщины делятся на касты? Как правило, те, кто родом из совка. Те, кто хотя бы успели побывать октябрятами. Характеристики каст четко прописаны, границы обозначены. Женщина из одной касты уже никогда не сможет искренне улыбнуться той, что еще не достигла её вершины, а тем более той, что опередила её.

Замужество, дети, квартира, шуба, бриллианты, бизнес, дом. Добавьте, если что-то пропустила. Те, у кого нет ничего из вышеперечисленного, сидят за столом на свадьбах в лучшем случае с бабушками, в худшем – с обладателями бежевых ботинок на босу ногу. Хотя босые ноги вроде тренд. Значит, я не в теме.

И неважно, что замужем я была. И бриллианты, и шубу мне муж купил. Только теперь отдавать не хочет. Следующей, небось, подарит. У него мы все одного размера – XS... Ладно, сейчас не о нем.

Женское тайное общество отправило меня на нулевой уровень успеха. Теперь я могу наслаждаться честной дружбой только с теми, кто там же. Все остальное – fake. У меня есть только малюсенькое преимущество перед теми, кому тридцать пять, а замужем не были.

Если бы у меня был адвокат, он бы произнес яркую, наполненную эпитетами речь, о том, что в современном мире у женщины новые возможности, новые роли, новый смысл жизни. О том, что у нас есть право выбора, закрепленное конституцией. О том, что счастье я могу находить в совершенно другом, за пределами установленных кастами рамок. Мне даже не возбраняется посвятить жизнь, например, искусству или любимой работе. О том, что я могу приносить пользу обществу, не только угождая нелюбимому мужу и рожая ему несчастливых детей.

Но прокурор сказал бы: «Признать виновной!»

И неважно, что невесте тридцать шесть, а я первый раз вышла в семнадцать. Все! Закончилось мое время! «Дорогая, знакомься, это Ваня», – в сторону хихикнуть, а мне подмигнуть не забыть. Жена ж теперь, официальная, отожд!

Ненавижу!

Еще одна наша подруга детства. С мужем своим. Сел напротив. Никита не в курсе этих женских каст, поэтому обрадовался, увидев меня, начал расспрашивать о том, о сём. Марина поменялась через пять минут с ним местами, чтобы «поближе ко вкусенькому». На самом деле, чтобы не пялился на мою разведенную грудь. Мы очень дружили, и в детстве, и в институте, и еще пару лет. В один год поженились. Часто путешествовали вместе. Мне так с ней было легко и весело. Я помню много умилительных сценок своей жизни, где в ролях две счастливые пары, искренние и открытые. Одним воздухом дышали. Пока я в прошлом году не развелась.

Теперь я ненавижу её, а она мое декольте.

– Горько! Горько!

И не уйдешь никак, потом вообще заклюют. Еще даже первого танца молодоженов не было. Ничего, что молодожены уже пять лет танцуют? Чаще всего ведет невеста. Ну и затанцевала под венец, наконец.

Я тоже хороша. Злая. Завидушая. Возмущаюсь, а внутри сидит твердая генетически укорененная кастовая принадлежность.

– Дорогая, а ты когда замуж? – широкая искренняя улыбка на десять секунд в ожидании заготовленного ответа и на миг оголенной тоски.

Это я четвертой нашей подруге. У нее-то и женихов никогда не было. Анята вообще мужчин боится. Ну или они её. Подло. А что еще спрашивать на свадьбе? По женской логике, абсолютно обоснованный вопрос. Женской кастовой логике. И жалко мне её. Но немного отомстить хочется. За себя.

Кто сегодня собрал все медали – так это Анжела. Даже невесту перешеголяла. В ушах по карату, на руках – полугодовалый наследник. В первом тосте пожелала сына, во втором – дочку. И контрольный в голову – не останавливаться на достигнутом. Знает подружка, что они детей хотят уже три года, расписаться решили в надежде на то, что после этого чудо произойдет. Могла бы и дома отпрыска оставить. С бабушкой. Зинаида Степановна с удовольствием бы понянчилась. Да как же можно основные правила женской дружбы нарушать?

Вот так и дружим.

Все про всех знаем. И плохое, и хорошее. О плохом часто спрашиваем друг друга, случайно, мимоходом, из лучших побуждений, как будто частота вопросов повлияет на ситуацию. Хорошее мимо ушей пропускаем.

Свое плохое преподносим с виртуозным лингвистическим гарниром в виде напускного равнодушия, одобренного густым соусом лжи. На вид – оливье с большим количеством вкусного майонеза. А колбаска-то позавчерашняя. О хорошем молчим. Чтоб не сглазили добрые глаза подружки детства.

А говорят, ее, женской, не бывает! Какие поцелуи! Какие объятия! Аня плачет, произнося тост невесте. Сдается мне, искренне рада за подругу. Она вообще среди нас самая искренняя, чуть-чуть «не от мира сего». Потом назовут это слезами зависти. А может, это и так? Разве до конца поймешь? Я в себе не могу докопаться до самой сути, а в подруге...

А как счастливы мы были в детстве впятером. У каждой было аж четыре подруженьки. И в огонь, и в воду, и первую сигарету на всех. Мы могли смеяться часами над детскими анекдотами, над бредовыми шутками, над самими собой. И не обижались друг на друга, и не притворялись...

Пока не... Я не знаю точно, когда это началось. Может, с появлением вторичных половых признаков, может, чуть позже. Я знаю одно, что как раньше, уже не будет никогда.

Зачем мне девичники, на которые одна приходит с мужем, а вторая – с грудничком? Признаюсь, парочку я все-таки посетила в попытке притянуть за уши былое единение грешных женских душ. Зачем мне заполнять паузы новыми рецептами блюд, когда нельзя искренне спросить, почему ты до сих пор, дорогая, живешь с мужем-бл... ю, а ты жрешь шестое пирожное, весь вечер говоря о диете и спорте. Как мы можем весело выпить с подругой, если я знаю, что она вчера ходила на свидание. Но молчит, боится, чтобы не сглазили. А я собираюсь впервые в жизни в Европу и тоже молчу. То ли боюсь, то ли из вредности. Но меня же распирает поделиться. С теми, кого я еще помню, кого любила, кто меня любил. И посмеяться от души. С самоиронией. Со слезами. С последующим утренним жутким похмельем. И снова посмеяться.

О сексе нельзя – Анжела не любит (уж не знаю, то ли говорить, то ли делать). О деньгах не нужно, Марину уволили. О детях не стоит, не у всех есть, о родителях – такая же ситуация,

о мечтах – слишком серьезно, о мировом кризисе – банально. О книгах – не всем интересно, о тряпках – всем интересно, но не все могут себе позволить. О мужьях – я и Аня выпадаем, о любовниках – выпадает Аня и две замужние.

Интересно, о чем говорят мужчины на мальчишниках?

Наконец-то идут танцевать молодожены. Ем горячие закуски во время вальса и вальсирую домой! А то уже вижу радостно-пакостные глаза мамы невесты, устремившиеся на меня: «Детка, как я рада тебя видеть... Я знаю, что ты развелась... Боже-боже... Годы идут... Не зевай.. Тебе родить еще надо... Зачем вообще разводилась... Ой-ей-ей...» Если перебор подруги еще можно остановить легким хамством, старший батальон женского тайного общества – непобедим. Лучше сдать с кислой улыбкой и уползти с поля боя, поджав вялый хвост.

Уползаю. Ненавижу всех и ползу домой. Пока сама вру, завидую и злюсь, я ползу. Может, надоест. Может, когда-нибудь пройду все кастовые уровни и расслаблюсь. А может, просто расслаблюсь. Хотелось бы...

Стать как она

– Она меня бросила. Представляешь? Ушла от меня. Я так ее любил. Не знаю, смогу ли я еще когда-нибудь так влюбиться в женщину.

– Почему она бросила тебя?

– Не знаю. Просто однажды я проснулся, а ее нет. Загадочная женщина. Восхитительная. Яркая. Своенравная. Ее невозможно было не любить.

Он мог рассказывать о ней часами. Мне было больно это слушать. Но я не могла остановить этот поток признаний в любви другой женщине. Я готова была слушать от него что угодно. Лишь бы он говорил. Лишь бы был рядом. В порыве страстных описаний хватал меня за руку, прижимал к сердцу. Я слушала, затаив дыхание. Терзалась и слушала.

Мне никогда не быть такой, как она. Загадочная? Восхитительная? Яркая? Вряд ли кто-нибудь вспомнит эти слова, описывая меня. И вряд ли он меня когда-нибудь по-настоящему полюбит. Терпит, пока тихонько слушаю, открыв рот. Пока бегу, бросив все дела, как только у него найдется минутка на меня. Чтобы вновь и вновь описывать ее, его любовь, его страдания.

Я тешу себя иллюзиями, что если мужчина может так любить одну женщину, то через время он может так же полюбить и другую. Есть у него сердце, пусть и треснувшее. Мне хочется верить, что все изменится. Силы моей любви хватит на двоих для начала. А потом.

– Какие ужасные ты носишь вещи! Эти дырявые джинсы, дурацкие майки. Вот она. Какая была женщина! Элегантные платья, соблазнительные вырезы. Какие густые волосы были у нее. Я любил расчесывать их перед сном. Она ворчала, кричала, что делаю больно. Но позволяла. Зачем ты так коротко стрижешься? А хотя тебе не пойдут длинные волосы, они у тебя такие редкие.

Мне было больно. Но разве это может остановить женщину, которая уже влюблена. Я видела ее фотографию у него в телефоне. Я знала, что это искусственные волосы. Но как я могла разбивать его иллюзии? Зачем? Он и так из-за нее настрадался. Пусть от меня ему будет тепло и комфортно.

– Расскажи что-нибудь смешное! Почему ты все время сидишь молча?

Я слушала его, боясь пропустить мимо ушей хоть слово. Его голос завораживал, а слова мучали. Какая пытка! Но я продолжала слушать рассказы о самой прекрасной женщине в его жизни.

То ли я была достаточно внимательным собеседником, то ли ему было одиноко в своей огромной квартире после ее ухода. Мысли о том, что я ему нравилась, у меня, конечно, не было. Но вот он предложил переехать к себе. И, хотя я и чувствовала фальшь в этом и какое-то самобичевание, переехала в тот же день.

Все в этой квартире напоминало о ней. Запах еще не выветрившихся сладких духов, длинные черные волосы на расческе в прихожей, прозрачный белый пеньюар, который я нащупала у себя под подушкой на первое утро. После волнительной и страстной ночи, как показалось, видимо, только мне, эта находка под подушкой ввергла меня в безнадежное уныние.

Смогу ли я это преодолеть? Сколько еще времени мне понадобится, чтобы избавиться от улик ее присутствия в его жизни?

Я набралась терпения. Его у меня было в достатке. Я была уверена, что любовью можно любую любовь одолеть. Даже к такой «королеве», «богине», «сладкой суке».

– Он ее очень любил, – скептически осматривая мой наряд, рассказывала мне их общая подруга. Мы сидели в большом людном ресторане, в котором я никогда не была раньше. Шикарно одетые люди, дорогое шампанское, сверкающие бриллианты. Он настоял, чтобы я надела свое лучшее платье. Но все равно казалась себе неумытой золушкой по сравнению со всеми этими донельзя уверенными в себе женщинами.

– А какая она была?

Зачем я это спрашиваю. Он уже так много о ней успел рассказать, что я чувствовала, будто знаю эту женщину уже много лет.

И мне рассказывали. Одна знакомая, вторая, третья. Шептались со мной за столом, когда он уходил курить. Только и ждали моего вопроса. Выкладывали все подробности, не жалея, не чувствуя никакой женской солидарности. Больно кололи эпитетами мое скромное платье и щемящее сердце.

– Очень красивая, всегда нарядная, настоящая королева. Он сходил по ней с ума.

Здесь мы с ним были схожи. Я действительно сумасшедшая, если самолично решила все это терпеть и слушать в надежде увидеть в его глазах хоть немного нежности и теплоты. Когда-нибудь, не сейчас. Сейчас он даже не звал меня по имени.

– Эй, иди потанцуй. Чего сидишь?

– Я не хочу, милый. Я посижу с девочками.

Как я могу танцевать, когда эти разговоры расстроили меня совсем. Да и особо танцевать я красиво не умею. И эти туфли на чертовых каблуках так жмут.

– Она очень красиво танцевала. Он мог наблюдать часами. Даже ни с кем не разговаривал за столиком. Не сводил с нее обожающих глаз.

Да, спасибо, я уже поняла, что она все делала очень. И была очень. И он ее очень.

Как же я хочу, чтобы он меня хоть чуть-чуть.

Дома обнаружила большую шкатулку для драгоценностей. Только там были не камни, а чеки. От ее покупок и полученных услуг. Платья, шубы, серьги, процедуры для лица и тела, услуги стилистов и визажистов. Электронные билеты. В десятки стран.

Оплаченные картой чеки из ресторанов. В этом городе и во всех столицах мира.

Я переписала в свою записную книжку названия всех мест и всех покупок. Шаг за шагом стала брать у него деньги. То на то, то на другое.

– Зачем это тебе? Ты же вроде... А ладно, бери.

Я же вроде не женщина. И некрасивая. И танцевать не умею.

Столько терпела, еще потерплю, милый. Ты мне никогда и не обещал относиться как к женщине. Я сама все придумала. Сама себя и казню.

Только все-таки хочу влезть в ее шкуру.

Теперь слушала его откровения не так, как раньше. Не восхищаясь силой его любви, а собирая информацию. Как выглядела, что читала, что смотрела, что ела. Какого цвета лак был на ногах и как его называла перед сном.

И все повторяла. Глупо. Но если он любил такую женщину, возможно, мог полюбить и меня, видоизмененную, преображенную.

Мне нравилась та, которую я видела в зеркале. Красивая, яркая, загадочная. Мой труд, вклад специалистов, желание быть любимой. Полюбил ли он меня? Возможно. Только я так устала от ее тени. И от его тоже.

Однажды вынула из той старой шкатулки чеки бывшей. Оставила свои. Пусть будет под-сказка следующей.

Я же во всем хотела быть, как она. Когда, он говорил, она ушла? Пока он спал?

– Спокойной ночи, милый!

Двое в комнате

В комнате были двое.

Спорили, кричали, выясняли, искали правду, отделяя ее от лжи и прозрачных намеков. Когда люди дороги друг другу, но при этом такие разные, ссор не избежать. Впрочем, есть и общее – знак зодиака, например. Упрямые до ужаса. Хорошо, хоть без рукоприкладства, без гематомы под левым глазом. Или на лбу, когда один бьется им о стену абсолютного непонимания другого.

– Ну почему ты опять хочешь все испортить? Мы договаривались с тобой о чем-то. Почему ты не держишь слово? Неужели тебе на нас наплевать, на наше будущее?! А обо мне ты будешь думать? Безответственно с твоей стороны. Я тебя не понимаю. Меня бесит твой эгоизм!

– А что ты хочешь понять? Что плохого в моем эгоизме? Он вовсе не больше твоего. Просто тебе не нужны ни новые эмоции, ни дерзкие мечты, без которых я не могу жить. Все должно быть по расписанию, тобой составленному, проверенному, заверенному только твоей подписью. Хоть раз ты можешь отойти от плана? Расслабиться? Поверить мне, в конце концов?

– Поверить тебе? Взбалмошной, ветреной, безответственной? Да это прямой путь к катастрофе. Нашей общей, заметь. Я не хочу. Не могу себе позволить такую роскошь – забыть обо всем и в омут с головой вместе с тобой. Ты меня знаешь столько лет. Сама говорила, я – робот, который на такое не способен.

– Но как ты можешь так скучно жить? Решись, наконец! Что тебе терять? Это же так интересно – нарушать правила. Как звучит, послушай. На-ру-шать... Музыка. Ну, давай нарушим разок. Пожалуйста, ради меня. Ты же хочешь, чтобы я была счастлива?

– Хочу. Но считаю, что не имею права соглашаться на твою провокацию. Этим и силен был наш союз, что у одного всегда была трезвая голова на плечах. Который раз я тебя вытаскиваю из сомнительных историй.

Затихли, подбирая новые аргументы, перезаряжая оружие. Перебирая в памяти истории. Накопилось, было, что вспомнить. День сменялся ночью. В холодных сумерках было так сложно воевать. Хотелось нежности и перемирия. Тепла душевного. Силы покидали противостоящие стороны. Так хотелось все забыть, остановить обреченный спор, чтобы вместе погрузиться в сладкую дрему. Где все счастливы и понятны друг другу. Где один на двоих сон на одной подушке.

А утром все уже может быть по-другому. Бывает же так, что под утро вопрос исчезает сам собой. То ли утренняя роса его растворяет. То ли кто-то идет на компромисс. Кто-то, кто сегодня снизу.

– Сомнительные истории? – последняя попытка разобраться. – У меня безупречная репутация! Да, я немного легкомысленна. Бывает, непунктуальна. Забывчива. Ленива. Но редко же?

– Много пьешь. И куришь. Мне рядом приходится травиться.

– А это тут при чём?

– Утреннее похмелье часто и обуславливает твою лень, легкомысленность и непунктуальность. И, конечно, забывчивость.

– Только не отчитывай меня сейчас!

– Ты сама тему начала.

– Я не умаляю своих недостатков. Но какое это сейчас имеет значение?! Я же не вспоминаю тебе твой тупой сарказм, отсутствие здорового чувства юмора и бесполоую холодность. Хотя еще можно долго перечислять. Я просто хочу быть счастливой. Как все женщины. Мне кажется, сейчас тот случай, когда я так близка к полному, безоговорочному счастью. Но позволь мне наконец. Дай мне немножко свободы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.